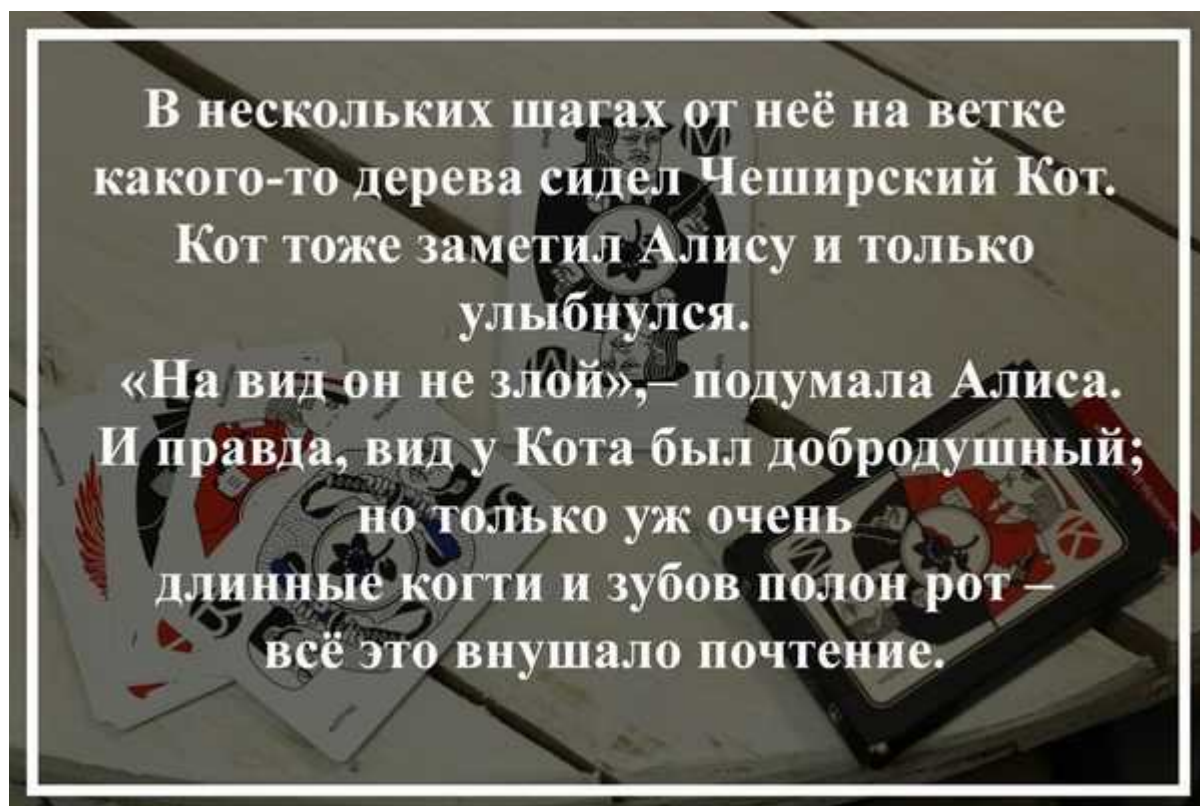

Все мы здесь не в своём уме - и ты, и я...

— «Чешир» — это первое и единственное антикафе в Липецке?

— Да, было первое, осталось единственным. Было ещё два антикафе, что-то у них не сложилось.

— А почему, как ты думаешь?

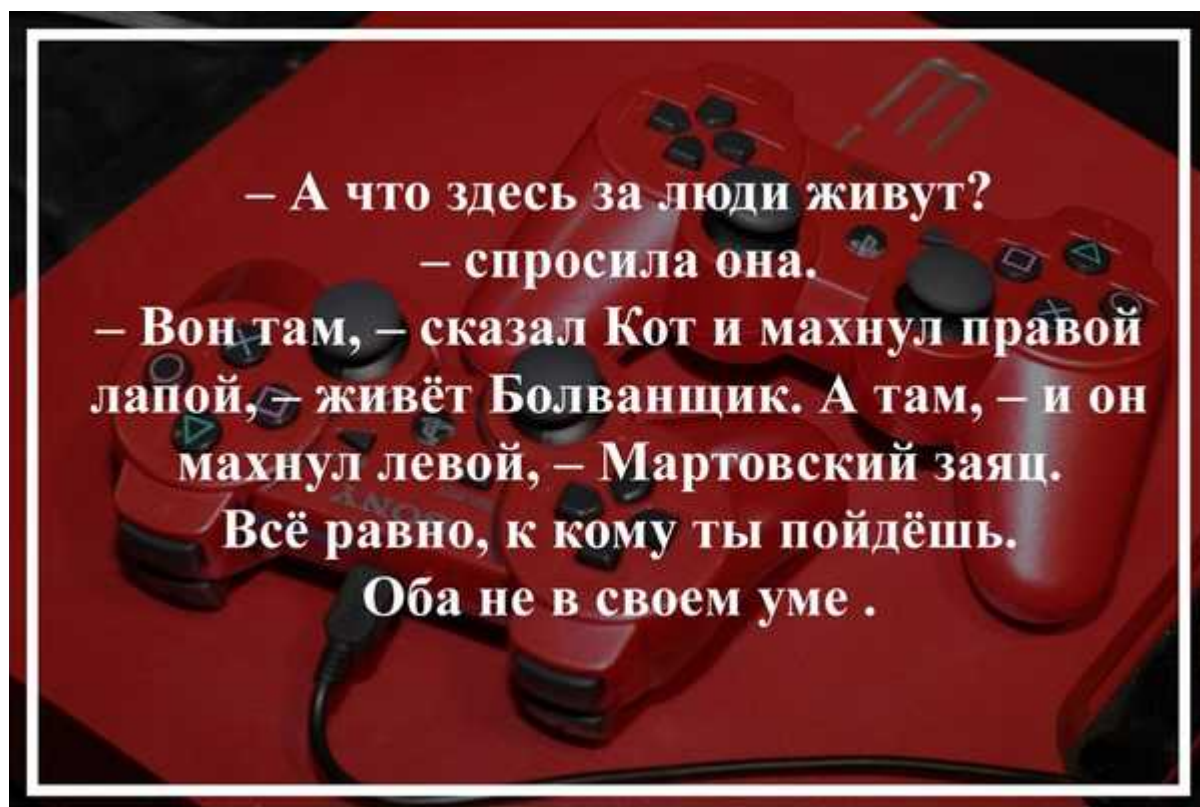
— Когда я только загорелся идеей антикафе, мне многие говорили, что Липецк не воспримет. Это ведь город металлургов. Но я думаю, дело не в этом. Просто здесь какое-то провинциальное понимание бизнеса: вложил деньги и сиди жди, пока их окупишь. Видимо, у наших конкурентов была именно такая позиция. На самом деле это титаническая работа. У нас тоже получилось не сразу. В первый раз, когда мы открылись, была цель просто открыться, а что дальше с этим делать — мы не знали. Не было серьёзной бизнес-системы, и наш котик был слабенький, хворал. Была даже проблема с поставкой кофе: я постоянно бегал в «Пролетарский» чтобы докупить. И мы закрылись... Это было что-то нереальное, прям до слёз. Эмоции, как будто хоронишь любимца. Мы котика на год усыпили, многое проанализировали, и сейчас он возродился — с теми же идеями, с тем же настроением, но полностью оздоровлённый внутри.

— То есть ты воспринимаешь Чеширского кота как некое живое существо?

— Это, может, звучит, как бред наркомана, но лично для меня он реален, и во многом он — это я. Вот если что-то не так, значит, это Дима Логачёв накосячил. Есть какая-то аура и взаимосвязь: если мне неохота работать и я прихожу сюда и ложусь спать, к нам почему-то никто не идёт. Как только у меня рабочее настроение, почему-то всё получается, решается быстро, по звонку, и люди приходят. Я как-то чувствую, чего хочет котик, что ему нужно.

— И чего же он хочет, кроме рыбки?

— У него есть две цели. Одна — финансовая, конечно. Хочется денег заработать на любимом деле. Но есть и духовная, миссионерская. Для меня очень важно соблюдать баланс между ними, то есть если мы здесь начнём продавать водку — да, мы начнём зарабатывать больше, но тогда отклонимся от второй цели — дарить людям радость. А водка это, конечно, не катализатор радости, а какой-то её суррогат. С другой стороны, если людям здесь хорошо, им нравится, но у них нет сейчас денег, да и ради бога. Какое-то время они могут у нас быть бесплатно. Главное — создать приятную атмосферу для таких же чудаков, как мы. Оказалось, таких людей в городе очень много.

— И что же за чудачки создают ваше безумное чаепитие?

— Нельзя сказать, что я один всё делаю. У нас сейчас команда из трёх человек, и мы все разные, абсолютно. Когда мы приходим к консенсусу, получается универсальный продукт, который всем нравится. Есть, например, Володя Волосатов. Если я человек-каламбур, то он человек-система. Когда нужно сделать что-то серьезное — посчитать, систематизировать, наладить, этим занимается он. Второй человек — Стас. Он не любит публичности, он любит сидеть, читать, вникать во всё. А когда нужно сделать быстро, классно и весело — этим я занимаюсь. Хожу, танцую по залу, создаю атмосферу.

— И чем же это место отличается от обычного кафе?

— Когда в обычное кафе приходишь один, это трудно: тебе кажется, что все на тебя смотрят (хотя на самом деле это не так), тебе надо что-то заказать, как-то себя вести. А здесь для таких случаев всегда есть я: или познакомлю с какой-нибудь компанией, или со мной можно посидеть «потрещать». Я тотальный экстраверт, мне очень нравится общаться с посетителями, новыми людьми. Зато потом люди приходят уже смело, как будто в гости. И играют на варгане, например. Есть вот в «Алисе в стране чудес» такой интересный момент: считается ли один здравомыслящий человек в толпе безумцев сумасшедшим? Мы считаем себя нормальными. Но на днях здесь была классная картина: один играет на «циммермане», второй на барабане, третий принёс инструмент, который был изобретен где-то две с половиной-три тысячи лет назад и настраивал его, а я меч разбирал. Главное, все заняты очень важным делом, а со стороны посмотришь... Здесь люди могут почувствовать себя, как дома, и заниматься тем, чем в другом месте, наверное, постеснялись бы. Еще у нас денди есть, игры настольные, мероприятия постоянно проходят самые разные.

— Что общего у ворона и письменного стола?

— Пусть этот вопрос останется риторическим.

– Хорошо, – сказал Кот и исчез – на этот раз очень медленно. Первым исчез кончик его хвоста, а последней – улыбка; она долго парила в воздухе, когда всё остальное уже пропало.